

человеке и призывает его развивать усилиями самого человека. Абсолютом утверждается безличное Бытие-Сознание-Блаженство, к „слиянию” с которым стремится мистик.

Целью своего учения Ошо считает воспитание нового человека, преодолевшего хаос внутренних противоречий и достигшего глобальной целостности. Стремление к объединению всех противоположностей - Востока и Запада, мужского и женского, материи и сознания, молитвы и медитации – определяет интеграционный характер учения.

Уникальной является мистическая практика Ошо Раджниша, синтезирующая методы разных имманентных традиций мира - психосоматические практики тантризма, динамичные и пассивные медитативные практики индуизма и буддизма, любовь-отдачу индуистского бхакти. В мистической практике Ошо практически отсутствующий метод дисциплинарного аскетизма, что объясняется антиаскетической направленностью учения.

Источники и литература:

1. Дудар Н., Филипович Л. Нові релігійні течії: український контекст (огляд, документи, переклади). / Надія Павлівна Дудар, Людмила Олександрівна Филипович. – К. : Наук. Думка, 2000. – 132 с.
2. Нетрадиційні релігійні та містичні культури України. / [під загал. ред. Остроухова В. В.]. – К. : «Росава», 2003. – 335 с.
3. Ошо. Автобиография духовно неправильного мистика. / Ошо; [пер. с англ. К. Семенов].– К. : «София», М. : «Гелиос», 2001. – 352 с.
4. Ошо Р. Горчичное зерно. Комментарии к пятому евангелию от святого Фомы. / Раджниш Ошо [пер. с англ. К. Семенов].– К. : «София», Ltd, 2002. – 496 с.
5. Ошо Р. Медитация – первая и последняя свобода. / Ошо ; [ред. и пер. Свами Вит Праяс]. – М. : «Нирвана», 2000. – 320 с.
6. Ошо. Храбрость. Радость жить рискуя. / Ошо. – СПб. : ИД «Весь», 2003. – 224 с.
7. Чаша Гермеса : Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. / [сост., ком. О. Ф. Кудрявцев]. – М. : Юристъ, 1996. – 336 с.

Мезенцев Ю.Л., Олейников Д.А.

УДК:123.1

О ЦЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ СВОБОД

Аннотация. Вопрос свободы, личной независимости всегда был среди первых и самых важных для человека. Необходимость отвоевать ее для себя прослеживалась во всех возможных проявлениях человеческого разума. Однако, добытые свободы и права часто могут оказаться обузой для человека, непонимающего зачем они ему нужны. Поэтому в этой статье представлена попытка рассмотреть некоторые ценностные аспекты свобод, которые имеет человек на сегодня, и как эти свободы и права рассматривались в прошлом.

Ключевые слова: самость, свобода слова, свобода воли.

Анотація. Питання свободи, індивідуальної незалежності завжди були серед перших та найважливіших для людини. Необхідність відвоювати її для себе помітна у всіх можливих проявах людського розуму. Але добуті свободи та права доволі часто можуть бути зайвими для людини, яка не може зрозуміти навіщо вони їй потрібні. Тому у цій статті зроблена спроба проаналізувати деякі ціннісні аспекти свобод, що має людина на сьогоднішній день, та як ці свободи і права були розглянуті у минулому.

Ключові слова: самість, свобода слова, свобода волі.

Summary. The question of freedom, individual independence always was one of the most important for humanity. We understand that these rights reconquered from society for each person individually. Nevertheless, the most great and powerful historical persons can give a great help to other people in this fight for individual freedom, as it was in ancient Greece or in Renaissance. As we see in modern history, some can't use the rights, which were reached during last centuries. We understand that for us is necessary to be original, to be something different from others, that we have a right to be an individual. However, we see that people in their wish to be something different become so same, that even cannot recognize it in own intentions. So now is time of questioning: "What rights do we deserve? Moreover, do we deserve them at all? Can we hold all the consequences of our freedoms?". In the ancient world there were a reasonable attitude to individual freedom – in extreme cases they choose a tyrant, who could organize social, political and military life under his own control. Now, we can find marks of this position in president's rule, but mostly it still only de jure. Some of classic representatives of philosophy and literature have same point of view. Especially it was brightly shown in works of Aristotle, Dostoevsky's novels.

In this article there is try to give an explanation of three most important aspect of individual freedom. Then, when they are explored, we tried to find there real representation, usefulness and cost. Unfortunately, we can't give a non-tendentious opinion to this question. Therefore, it is only discuss of our point of view.

Keywords: self, freedom of speech, freewill.

В настоящий момент главным лозунгом для подавляющего большинства людей является требование свободы. Свобода в мыслях, словах, действиях, выборе. Каждый из них уверен в том, что обладает таким объемом личной индивидуальности, который может быть веским основанием для изъяснения

обоснованного мнения. Но возникает вопрос, действительно в них есть этот объем самостоятельности? Способна ли эта самость на разумное обоснование своего поступка?

Этот психосоциальный момент был рассмотрен еще у К.Г. Юнга: «...По мере развития диалектического спора достигается момент, при котором возникает необходимость оценки индивидуальных импульсов. К этому времени пациент должен приобрести определенную уверенность в своей способности к правильным суждениям, которая даст ему возможность действовать на основании своих собственных прозрений и решений, а не на основании обычного желания копировать общепринятые образцы – даже если он и согласен с мнением коллектива. Если он не стоит твердо на ногах, то так называемые объективные ценности не принесут ему никакой пользы, поскольку будут служить только в качестве заместителя характера, помогая тем самым, подавить его индивидуальность...»[4].

В первую очередь стоит рассмотреть понятие свободы. Свобода, согласно толкового словаря Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю., означает: 1) возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества; 2) отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-либо класса, всего общества или его членов; 3) отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-нибудь; 4) состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. Из этих значений для нас представляет интерес первые три.

Рассматривая первое толкование, можно эти аспекты назвать одним психо-философским термином – самость. Согласно представителям психологического взгляда (Мид, Кули) на понятие самости, это формирование путем диалога, понимания точки зрения оппонента, то есть психо-социальное становление. Наиболее меткое определение самости дает К.Г. Юнг: «Самость - это архетип целостности, символ полноты человеческого потенциала и единства личности...», то есть предполагается сформированная, устоявшаяся в принципах и взглядах личность, способная при этом осознавать границы своей деятельности и существовать, сохраняя «зону комфорта» с другими личностями, другими словами находить компромисс. Отсюда следует, что те, кто знает поле своих интересов, тот более способен к общению и сотрудничеству. К тому же, эта граница всегда может служить и как точка опоры при взаимодействии с другой индивидуальностью, и как отправная точка для расширения собственного поля интересов. Примером к первому аспекту может быть классическое образование – образованные люди всегда имеют тему для первоначального общения; для второго характерно наличие информации принадлежащей сразу к нескольким отраслям интересующих направлений. Соответственно, личность, притязающая на свободу должна обладать самостью, иметь личное мнение как об этом говорил К.Г. Юнг. Нельзя не упомянуть, что об этом говорит Ф.М. Достоевский в романе «Идиот»: «...Ограниченному "обыкновенному" человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний. Стоило некоторым из наших барышень остричь себе волосы, надеть синие очки и наименоваться нигилистками, чтобы тотчас же убедиться, что, надев очки, они немедленно стали иметь свои собственные "убеждения". Стоило иному только капельку почувствовать в сердце своем что-нибудь из какого-нибудь общечеловеческого и доброго ощущения, чтобы немедленно убедиться, что уж никто так не чувствует, как он, что он передовой в общем развитии. Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочесть страничку чего-нибудь без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это "свои собственные мысли" и в его собственном мозгу зародились. Наглость наивности, если можно так выразиться, в таких случаях доходит до удивительного; всё это невероятно, но встречается поминутно. Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и в своем таланте, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова...»[2].

Относительно второго толкования, можно сказать, что возможность участия в выборе управляющего звена представителями подчиненных, действительно огромный прорыв на пути к справедливости. И здесь, как всегда, есть слово «но». Принципы демократии пришли к нам из древнегреческого полиса – колыбели современной цивилизации, и, по возможности, были адаптированы к действительной ситуации. К сожалению, эти принципы не могут быть реализованы в достаточной степени, что бы проявить всю свою силу объективности. К тому же, не для всех типов организации протекающих внутри государства процессов подходит демократический строй. Это можно проследить на тех примерах, что приводит Аристотель в своем сочинении «Политика»: «...наилучший народ: земледельческой народной массы и тот, где люди являются пастухами и живут скотоводством.... Другие виды народной массы, из которых состоят прочие демократии, почти все хуже этих, ведь самый образ жизни их дурной и ни одно из тех дел, которыми занимается масса, состоящая из ремесленников, торговцев, поденщиков, не имеет ничего общего с добродетелью. К этому добавляется еще то обстоятельство, что все такого рода люди, постоянно торча на площади и в городе, с легкостью, так сказать, устраивают народные собрания. Наоборот, земледельцы, рассеянные по государственной территории, редко встречаются друг с другом, да и не нуждаются в такого рода встречах. Там, где территория государства расположена таким образом, что пахотная земля находится на большом расстоянии от города, легко можно устроить и хорошую демократию, и политику. Народная масса в таких случаях бывает вынуждена селиться на полях; это ведет к тому, что, если даже и имеется городская чернь, она все-таки не может получить преобладание в народных собраниях таких демократий без народной массы, живущей на территории государства...»[3].

Исходя из этого, можно предположить, что демократия – это нечто несвойственное нашему времени. Во-первых, перестала существовать такая административная структура как полис; во-вторых, изменилась классификация живущих в государстве людей, соответственно и изменилось понятие гражданина и гражданской добродетели; в-третьих, генерализация понятия «гражданин» привела к снижению себестоимости голоса в процессе выбора, и не забыть все более проявляющий свою суть парадокс

Кондорсе. В целом, можно сказать, что в политическом и моральном праве мы свободны, но ценность личной свободы, по сравнению с ее исходной, резко упала.

И относительно третьего толкования – социальные реформы и революции действительно освободили личность от цепей цензуры (правда, надеясь на наличие разума и морали). На данный момент мы имеем свободу слова, воли и т.д. и т.п., но попробуем разобраться в их ценности.

Свобода слова – право человека свободно выражать свои мысли. В первую очередь это право необходимо для работы с вопросами установления истины, самоуправления, обеспечения эффективной работы политической системы, реализации собственных возможностей, защиты своих прав как человека, плюс свободный доступ к информации. К чему это приводит в целом? К избытку бесполезной, недостоверной информации или к слишком разнообразной ее интерпретации.

По этому вопросу можно привести мысли Иосифа Бродского – его рассуждение о занятии философией: «Изучать философию следует, в лучшем случае, после пятидесяти. Выстраивать модель общества – и подавно... В противном случае, нравственные законы пахнут отцовским ремнем или же переводом с немецкого. Сначала нужно научиться терять, нежели приобретать, ненавидеть себя более, чем тирана, годами выкладывать за комнату половину ничтожного жалования – прежде, чем рассуждать о торжестве справедливости... Изучать философию нужно, когда философия вам не нужна. Когда вы догадываетесь, что стулья в вашей гостиной и Млечный Путь связаны между собою, и более тесным образом, чем причины и следствия, чем вы сами с вашими родственниками. И что общее у созвездий со стульями – бесчувственность, бесчеловечность. Естественно, что стремиться к сходству с вещами не следует. С другой стороны, когда вы больны, необязательно выздоравливать и нервничать, как вы выглядите. Вот что знают люди после пятидесяти. Вот почему они порой, глядя в зеркало, смешивают эстетику с метафизикой» [1]. Такую же параллель можно провести и к другим фактам проявления свободы слова – некомпетентность излагающего трактовку информации по какому-либо вопросу. Даже это не так страшно (так как интерпретация собственная – человек над ней задумывался), гораздо более удручает намеренное освещение ярких, но не всегда важных сторон (СМИ, данная статья).

Свобода воли – возможность человека делать выбор вне зависимости от обстоятельств. Подходить к интерпретации данного вопроса надо аккуратно, так как, с одной стороны, свобода воли, в первую очередь, основана на разумности индивида, его понимании, что он не один и является частью социума, с другой стороны, это понятие предполагает отсутствие ограничивающих факторов. К тому же такая свобода подразумевает проявление индивидуальных особенностей личности, а об особенностях попыток быть действительно оригинальным тонко подмечено у Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «...Прибавьте, что был он юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя к несчастью не понимают эти юноши, что жертва жизнью есть может быть самая легчайшая из всех жертв во множестве таких случаев, и что пожертвовать, например, из своей кипучей юностью жизни пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того только, чтоб удешевить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу, который излюбил и который предложил себе совершить – такая жертва сплошь да рядом для многих из них почти совсем не по силам ...» и в «Идиоте»: «...Встречаются даже странные случаи: из-за желания оригинальности иной честный человек готов решиться даже на низкое дело; бывает даже и так, что иной из этих несчастных не только честен, но даже и добр, провидение своего семейства, содержит и питает своими трудами даже чужих, не только своих, и что же? всю-то жизнь не может успокоиться! Для него нисколько не успокоительна и не утешительна мысль, что он так хорошо исполнил свои человеческие обязанности; даже, напротив, она-то и раздражает его: "Вот, дескать, на что ухлопал я всю мою жизнь, вот что связало меня по рукам и по ногам, вот что помешало мне открыть порох! Не было бы этого, я, может быть, непременно бы открыл либо порох, либо Америку, -- наверно еще не знаю что, но только непременно бы открыл!". Всего характернее в этих господах то, что они действительно всю жизнь свою никак не могут узнать наверно, что именно им так надо открыть и что именно они всю жизнь наготове открыть: порох или Америку?..."» [2]. Так становится понятно, что свобода воли «требует» поступка, но способности к нему не всегда есть. Если заглянуть в историю, то можно увидеть, что даже не обладая особыми свободами выдающиеся люди достигали успеха (если они действительно были ценными; эта ограниченность в виде разницы на социальной лестнице служила, к тому же, некоторым видом цензуры). Соответственно важнее действительно иметь волю, чем обладать свободой проявлять ее отсутствие.

Если задуматься, нужны ли все эти свободы? У каждого гражданина с 18-летнего возраста есть право участвовать в выборах президента страны, и партий в парламент, но способен ли человек, который едва достиг совершеннолетия, адекватно оценивать к какой ситуации, в идеале, приведет его выбор? Или, опять же, взять человека среднего возраста и старше, у которого есть семья, который уже более-менее понимает, что ему необходимо и как он к этому может идти, и сравнить это с мотивацией совершеннолетнего. Другой вопрос – ценность голоса. Действительно, равенство – это некоторая дань каждой индивидуальности (потому что индивидуально равенство возможно лишь в узком кругу – нельзя же давать звание генерала всем подряд только для того чтоб никто не чувствовал себя ущемленным), но если задуматься, то большая часть революций вела не к равенству индивидуальностей, а к уравниванию разных социальных ступенек между собой. В «Политике» Аристотеля указаны особенности и отличия государственных устройств, но он описывает и некоторые сходства между такими диаметрально противоположными системами как тирания и демократия. Важный момент – лидеры, при тираниях это место может занять военачальник, так как он имеет реальную

силу – армия, в демократии их аналог – демагог или трибун [3]. То есть, реально революцию может организовать и провести демагог, так как именно он имеет конкретную цель и может сыграть на большинстве, соответственно, возникает вопрос – действительно ли эти революции и смены режимов нужны тем людям, чью волю данный трибун изъясляет? В этом же произведении философ рассуждает и о ценности голоса. Демократия возможна при социально-экономическом неравенстве, но слои должны быть пропорционально представлены.

С учетом всего сказанного надо задуматься: «Действительно ли мне нужны все эти свободы? Справлюсь ли с возложенной на меня ответственностью?». Свобода – похожа на птицу – вольна лететь куда пожелает, но душа, как и птица, не может парить без жесткого основания. У птицы – это костяк, у человека – мораль и принципы. Поэтому до свободы нужно дозреть и требовать ее, когда способен унести вес ее ответственности и обязанностей по отношению к этой воле действий.

Источники и литература:

1. Бродский И. Стихотворения и поэмы. – Washington – New York : Inter-Language Literary Associates, 1965.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. – Л. : Наука, 1988–1996.
3. Политика : [пер. с древнегреч.] / Аристотель. – М. : АСТ:Астрель, 2012. – 393 с.
4. Синхрония : акаузальный объединяющий принцип : [сб.ст. ; пер. англ. и нем.] / Карл Густав Юнг. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. – 347 с.

Шолуха Н.Є.

УДК 130.2:101.9 Левінас

ГОСТИННІСТЬ ЯК МОДЕЛЬ ПОВСЯКДЕННОСТІ В «ФІЛОСОФІЇ ІНШОГО» ЕМАНЮЕЛЯ ЛЕВІНАСА

***Анотація.** Стаття аналізує категорію гостинності в «філософії Іншого» Еманюеля Левінаса як модель повсякденності. Вивчається прагматичний потенціал концепції Левінаса як теорії, що є доречною при розв'язанні конфліктів на рівні взаємин, але недієздатною на рівні соціальних зв'язків. Теоретичною базою дослідження стали розвідки Ж. Дерріда, Е. Вишгорода, Д. Газіра, П. Шассара, Б. Скарги, З. Сокулера. Повсякденність визначається як сфера життєдіяльності людини, що дозволяє аналізувати концепцію Левінаса як таку, де інтегровано міжособистісний та матеріальний виміри буття. Гостинність розглядається в модусах оселі, жінки і Третього. Оселя постає як будівля, де формується суб'єкт, її як метафора відкритості Іншому. Жіноче наділяється функцією запоруки гостинності. Аналіз категорії Іншого як жіночого показав еволюцію поглядів Левінаса від жінки-матері та домогосподарки до передумови множинності світу. Третій як дитина є запорукою множинності повсякденності; як гість – актуалізує відповідальність як основу міжсуб'єктних стосунків; як збиральний образ суспільства – демонструє слабкість суспільної складової концепції Левінаса через припущення насильства й пояснення суспільних зв'язків як розширених родинних стосунків.*

***Ключові слова:** відповідальність, гостинність, жіноче, Левінас, оселя, повсякденність, «філософія Іншого».*

***Анотація.** Статья анализирует категорию гостеприимства в «философии Другого» Эмманюэля Левинаса как модель повседневности. Изучается прагматический потенциал концепции Левинаса в качестве теории, актуальной при решении межличностных конфликтов, но неуместной на уровне социальных связей. Теоретической основой исследования выступили работы Ж. Деррида, Э. Вышгорода, П. Шассара, Д. Газира, Б. Скарги, З. Сокулера. Повседневность определяется в качестве сферы жизнедеятельности человека, что позволяет анализировать концепцию Левинаса как интегрирующую межличностное и материальное измерения бытия. Гостеприимство рассматривается в модусах дома, женщины и Третьего. Дом показан как локализация формирования субъекта и как метафора открытости Другому. Женское наделяется функцией залога гостеприимства. Анализ категории Другого в понимании женского показал эволюцию взглядов Левинаса от женщины-матери и домохозяйки к условию множественности мира. Третий как ребёнок выступает условием множественности повседневности; как гость – актуализирует ответственность в качестве основы межсубъектных отношений; как собирательный образ общества – демонстрирует слабость социального компонента концепции Левинаса посредством допущения насилия и объяснения общественных связей как разросшихся семейных отношений.*

***Ключевые слова:** ответственность, гостеприимство, женское, Левинас, дом, повседневность, «философия Другого».*

***Summary.** The article examines the category of hospitality in Emmanuel Levinas's «philosophy of the Other» as everyday life's model. The potential concept as the pragmatic theory, relevant in dealing with interpersonal concept, but inappropriate for the level of social relations is examines. The theoretical basic of examines are the works of J. Derrida, E. Wyschogrod, D. Gauthier, P. Shassard, B. Skarga, Z. Soculer. The everyday life's is defines as the sphere of human life that allows the concept of Levinas as an integrating interpersonal and material dimensions of being are analyses. The hospitality in modes of house, feminine and Third is examines. The house is examines as the construction where creatures the subject, also as a metaphor for opening up to the Other. The feminine have function of base of hospitality. The analyses of Other as feminine is shows the evolution of concept Levinas's concept from woman-mother and housekeeper to base of the world's multiplicity. The Third as child have condition for the multiplicity of everyday life, also as collective image of society is*